

имеющими приоритетный характер, определенных этнических, национальных, социальных групп и осуществить даже вопреки общенародным, общегосударственным интересам, пользуясь, в частности, кривошеинскими уловками юриспруденции и легко организуемым ажиотажем прессы.

Так обстоит дело с разрушением СССР. Теперь можно подвести промежуточный итог этой акции, ибо сложившаяся ситуация всего лишь **промежуточный этап** распада, который теперь перебросился на Россию (достаточно напомнить о политической и этнической обстановке вокруг Чечни!). Наше «тоталитаристское» народное (национальное) хозяйство разрушено, переход от искусственной суперцентрализации к частнособственническим отношениям идет узкой дорогой сознательного разрушения всего созданного прежде. Страна давно перешла допустимые пределы хозяйственно-административных изменений, будто над ней пронесся смерч сокрушительного военного поражения, от которого страдает вся бесправная, безликая, бессловесная масса, представляющая собой типичный образ потерпевшего поражения народа. Территориально-этнический распад может беспрепятственно продолжаться, так как в народном, национальном сознании, благодаря длительному проживанию на бескрайних просторах в условиях стойкой и сложной хозяйственно-экономической интеграции, не сформировалось **осознанного представления** о прямой взаимосвязи между историческими возможностями этнического и этнокультурного выживания и размерами, а также экономическими и стратегическими условиями занимаемой определенной нацией территории (пожалуй, наиболее полное осознание этих соотношений и соответствий на массовом уровне оказалось доступно таким преуспевающим нациям, как англичане и японцы). Давно известно, что исторический опыт ничему не учит, но все же исторические примеры показывают, что разрешение любой затруднительной этнической, национальной, хозяйственно-экономической ситуации возможно лишь тогда, когда формируется единая общенародная концепция преодоления негативных тенденций (распада, упадка, вырождения и т.п.), которая воплощается в стратегии и тактике реальных акций. Пока в нашей стране даже не намечается тенденций к такому повороту событий!

Свое понимание концепции монографии С.В. Чешко я бы сформулировал так. Процессы, приведшие к распаду, были заложены в самые основания общественной и политической идеологии СССР как государства со стойкой однопартийной системой и региональным членением, основанным не на единичных общегражданских принципах, а на выделении в пределах административных регионов титульных этнонациональных образований, которые всемерно поощрялись к региональному доминированию. Ослабление централизованного управления, образование самостоятельных партийных, административных, этнонационалистических элит вылилось в активизацию противоречий между ними. Последние были выведены (при поддержке диссидентских движений и советологической литературы) на уровень националистических и либертистско-демократических лозунгов, распространившихся затем в массах, страдающих от экономического и политического своеволия тех же элит. При обсуждении недовольства масс в парламентах всех рангов выявились политико-юридические, административно-бюрократические просчеты, сделавшие закономерным обсуждение вопроса о правомочности самого существования СССР. Небольшие правовые ухищрения, формальная деидеологизация, несколько спровоцированных массовых локальных волнений – и страна была обречена на Развал.

Монография С.В. Чешко – очень значительное событие для наших социальных наук, в частности потому, что в ней этносоциальные перемены последовательно описаны в системе новых научных представлений.

П.М. Кожин

© 1997 г., ЭО, № 5

Е.А. О к л а д н и к о в а . Модель Вселенной в системе образов пещерного искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. С.-Петербург, 1995. 319 с.

Уже в название рецензируемой книги вынесено решение одной конкретной задачи – описание моделей Вселенной в культуре индейцев Северо-Западной Америки. Однако это поставило автора перед необходимостью впервые в этнографической науке описать общее культурное наследие и весь комплекс этнокультурных связей сибирских и североамериканских народов, используя при этом данные смежных гуманитарных наук – антропологии, археологии, этнографии и лингвистики, а также данные естественных наук, необходимые для периодизации и установления возможных естественных «мостов» из Азии в Америку. Предметом внимания автора оказываются различные аспекты культуры: культура производства (средства освоения природных ресурсов), культура жизнеобеспечения (жилище, одежда, пища), соционормативная культура (этика, идеология, ритуалы) и духовная культура (религия, фольклор, искусство, положительные знания). При этом старое и бесспорное утверждение о том, что «первые американцы» пришли из Азии, получило в работе новые обоснования, а сам процесс заселения аме-

риканского континента и история индейских культур Северной Америки обрели четкую историческую перспективу. По данным естественнонаучных дисциплин сформулированы и получили оценку не одна, а целых три гипотезы заселения человеком Америки со стороны Азии, высказанные в разное время исследователями и существенно различающиеся в деталях.

В первой главе книги (с. 5–42) рассмотрены общие вопросы этнической истории и культурных взаимосвязей народов Сибири и Северной Америки, проблемы языкового родства, преемственности и связей археологических культур Центральной и Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.

Вторая глава книги (с. 43–91) посвящена общим вопросам наскального искусства Северной Америки. Автор характеризует материал, который в дальнейшем квалифицируется как плоскостная модель Вселенной, и освещает общие проблемы исследования петроглифов на Тихоокеанском побережье Северной Америки. В третьей главе (с. 92–197), занимающей в рецензируемом труде центральное место, описываются главные сюжеты североамериканских петроглифов в сравнении с петроглифами различных районов Сибири и Центральной Азии. Рассмотренный здесь богатейший материал мог бы составить солидный самостоятельный научный труд с весомыми выводами. В главе характеризуются антропоморфные изображения черепов и масок-личин, зооорнитоморфные сюжеты и семантика изображений медведя, лягушки, ворона, орла, птицы-громовника, геометрических рисунков – круга, чашечных углублений, лабиринтов. В четвертой, заключительной главе (с. 198–282) описываются те группы наскальных рисунков, которые, как считает автор, являются изображениями модели Вселенной.

В работе отмечены четыре стадии эволюции модели Вселенной – зооморфная, антропоморфная, овеществленная и плоскостная, которая является наиболее поздней из рассматриваемых в книге. Существенное дополнение к данному описанию – раздел, посвященный функционированию модели Вселенной в обряде и ритуале.

Для обоснования своих утверждений автор постоянно обращается к духовной культуре, религиозным верованиям, мифологии, фольклору и декоративному искусству народов Азии и Америки. Сопоставление разнородных фактов в изложении автора убеждает: да, многочисленные изображения фигур человека и животных, сложные абстрактные композиции – это различные модели Вселенной, отражения которых сохраняются в мифах, преданиях и религиозных представлениях народов Америки. Более того, благодаря сравнению культур двух континентов «заговорили» и многие древние культурные памятники Сибири, которые также оказались сопоставимыми с данными современной культуры коренного населения Сибири. В частности, можно с уверенностью говорить о том, что ворон Куксу – персонаж мифов индейцев северной и центральной Калифорнии (с. 84, 118, 167–168, 203, 258) – является наиболее архаическим из числа аналогичных персонажей в районе Берингова пролива¹. Представления о бабушке-паучихе, сочетающей в себе признаки деминурга, культурного героя и хозяйки мира мертвых, прослеживаются в Сибири и в других районах Америки². Довольно много совпадений в мотивах и сюжетах выявилось и в мифологических текстах народов Сибири и Северной Америки, связанных с медведем³.

Данный труд отличается от многих других археологических и этнографических книг тем, что автор в нем постоянно обращается к материалам различных научных дисциплин. И это не дань научной моде нашего века, а насущная необходимость, открывающая перед ученым-гуманитарием новые горизонты.

Проблема, поставленная в книге, имеет еще один аспект – философский. Е.А. Окладникова, изучая образ Вселенной в культуре североамериканских индейцев, постоянно связывает понятие о мироздании с формами культуры – такими, как религиозные воззрения и представления, обряды, мифы и сказки, элементы декоративного искусства, мотивы изобразительного искусства и их значение. Эти области культуры содержат богатый дополнительный материал для исследования, обогащающий его выводы. Автор стремится также воссоздать систему тех философских понятий, на основании которых много веков назад была построена и потом развивалась модель Вселенной, постепенно вращая при этом в отдельные сферы духовной культуры этносов. Его интересуют те категории мышления, с помощью которых создавались метафорические образы Вселенной, механизмы перенесения отдельных идей о Вселенной в мировоззрение и искусство, общие понятия, проявляющиеся в разных областях духовной культуры. Что особенно важно отметить – мировоззренческие понятия древних народов Сибири и Америки под пером ученого предстают не как отражение особого «менталитета» какого-то особого типа восприятия действительности и поведения, характерного для древних людей, людей с другой культурой или с другим антропологическим типом, а как иной язык истолкования окружающего мира, иной язык культуры, иной набор исходных понятий его познания и описания.

Неоднозначность рассматриваемых образов, с которой часто приходится сталкиваться читателю книги, отнюдь не выглядит противоречием, которое допускает автор в увлечении интерпретацией изобразительного материала. «Любая из космограмм мироздания, – пишет исследовательница, – многослойна и полисемантична в толковании» (с. 82–83). С этим нельзя не согласиться, и труд Е.А. Окладниковой, так же, как и некоторые другие работы⁴, побуждает нас эксплицировать один важный тезис, характеризующий анимистические представления о мире, на которых основывается шаманство как социальный институт и культурный феномен. Эти представления формируют своеобразную мягкую систему, в которой модель

мира намечает лишь основные контуры. Внутреннее содержание такой системы представлений о мире может заполняться относительно произвольно, при этом значимым в ней оказывается не только содержание ее наполнения, задаваемое системой каких-то исходных признаков, но и сам процесс заполнения свободного пространства – процесс порождения и изложения мифологических рассказов с этиологическим содержанием, процесс совершения и объяснения определенных действий: то и другое со временем имеет свойство приобретать значение ритуала. Эта гибкость моделей мира и систем религиозных представлений часто проявляется в частных этнографических исследованиях при неполноте выявления описываемого материала и может послужить даже поводом для полемики в литературе. Однако анимизм и шаманство по своей природе оставляют возможность для относительно свободной интерпретации окружающей реальной действительности, что в конечном счете и создает повод для разноречивых мнений сторонних наблюдателей.

Образы Вселенной, помимо занимающего важное место в рецензируемой работе мировоззренческого аспекта, на наш взгляд, интересны еще и тем, что они оказываются универсальной составляющей произведений изобразительного искусства в самых различных культурах – от зарождающихся форм живописи до полотен эпохи Возрождения, где дальние планы представляют собой воображаемый пейзаж со всеми возможными деталями ландшафта. Своеобразная «модель мира», воспроизводящая законченный образ Вселенной, встречается в рисунках художников-представителей народов Севера, в работах самодеятельных живописцев, близких к художественному «примитиву», в живописных стилизациях на эпические темы. Обращение к этнографическим истокам темы Вселенной в изобразительном искусстве должно позволить лучше понять закономерности развития изображения окружающего мира.

Надо отметить, что в книге имеется ряд спорных положений – в частности, это касается изложения сведений о родстве и связях языков народов Сибири и Америки. Работы, на которые ссылается автор-этнограф (с. 14–16), не содержат убедительных доказательств родственных связей тех языков, которыми оперируют их авторы, однако в одном случае – применительно к трудам 40-х годов – это дань времени, в другом – применительно к трудам школы В.М. Иллич-Свитыча – это дань научной традиции и личному авторитету создателя этой школы. Надо отдавать себе отчет в том, что система доказательств родственных связей языков и языковых групп в каждом конкретном случае совершенствуется по мере дальнейших исследований сравнительно-исторической фонетики, морфологии и лексики, которые дают при сравнении более надежные и достоверные результаты, нежели сравнение слов какого-либо конкретного языка с готовыми ностражескими или синокавказскими праформами, у которых и состав, и внешний вид остаются в неизменном виде. Хотя стоит заметить, что отдаленное родство языков народов Сибири и Дальнего Востока, как бы ни выглядела итоговая генеалогическая классификация (которая, скорее всего, надстроится над алтайской или урало-алтайской общностью) будет более вероятным, нежели все самые настоящие попытки доказать отсутствие этого родства и признание того, что в Восточной Сибири существует более десятка языков и языковых групп-изолятов с непонятной историей. Не все так уж однозначно и в отношении археологического материала: ни одна из этнических интерпретаций археологических культур Восточной Сибири⁵ не может быть признана бесспорной, исходя лишь из этнографических данных. Упоминание шелагов-онкилотов при цитировании одной из археологических работ (с. 20) может считаться курьезом: по последним данным, *целаги* – это самоназвание чаунских чукчей – жителей бассейна реки Чаун – *чульыльыт*, или *чульыльу*, а *онкилоты*, как известно – самоназвание приморских чукчей *ан'кальыт*⁶.

Исследование Е.А. Окладниковой может быть хорошим фундаментом при изучении древних культур других регионов, в частности Северной Европы. Не случайно этот материал привлечен к исследованию в виде петроглифов Онежского озера (с. 115 и др.). Из сибирского материала, который можно в дальнейшем исследовать в аналогичном направлении и привлекать для сравнений, могут представить интерес подвески на эвенском женском кафтоне, часть которых соотносится с масками-личинами, часть представляет многоярусные композиции, сравнимые с одной из приведенных в книге иллюстраций (с. 223, рис. 59). Несомненно, будут перспективными дальнейшие исследования лабиринтов и каменных выкладок кольцевидной формы, характерных для Северной Европы.

Книга Е.А. Окладниковой, сочетающая богатство научного материала, глубину его осмысления и прекрасное изложение, – важный этап в изучении древних культур народов Северной Америки и Сибири.

Примечания

¹ Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979.

² Бурькин А.А. К реконструкции мифологических представлений о пауке-прародителе у тунгусо-маньчжуров и других народов Северо-Востока Азии по лингвистическим, фольклорным и этнографическим данным // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985. С. 37–51.

³ Бурькин А.А. Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки / Под ред. Е.А. Окладниковой. СПб., 1996. С. 60–89.

⁴ См.: Харнер Мишель Дж. Путь шамана, или шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству. М., 1994. Именно на этом свойстве анимистических представлений основана адаптация шаманской практики к условиям современной культуры, изложение чего и составляет основное содержание данной книги.

⁵ См. взаимоисключающую трактовку этнических интерпретаций археологических культур Сибири и Берингоморья в следующих работах: Диков Н.Н. Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей Севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краеведческие записки. Вып. 5. Петропавловск-Камчатский, 1973. С. 157–162; Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 11. В целом – применительно к отождествлению всех называемых культур – невозможно согласиться ни с одним из мнений, высказанных в названных работах.

⁶ Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 23, 118.

А.А. Бурькин